

КРОКОДИЛ

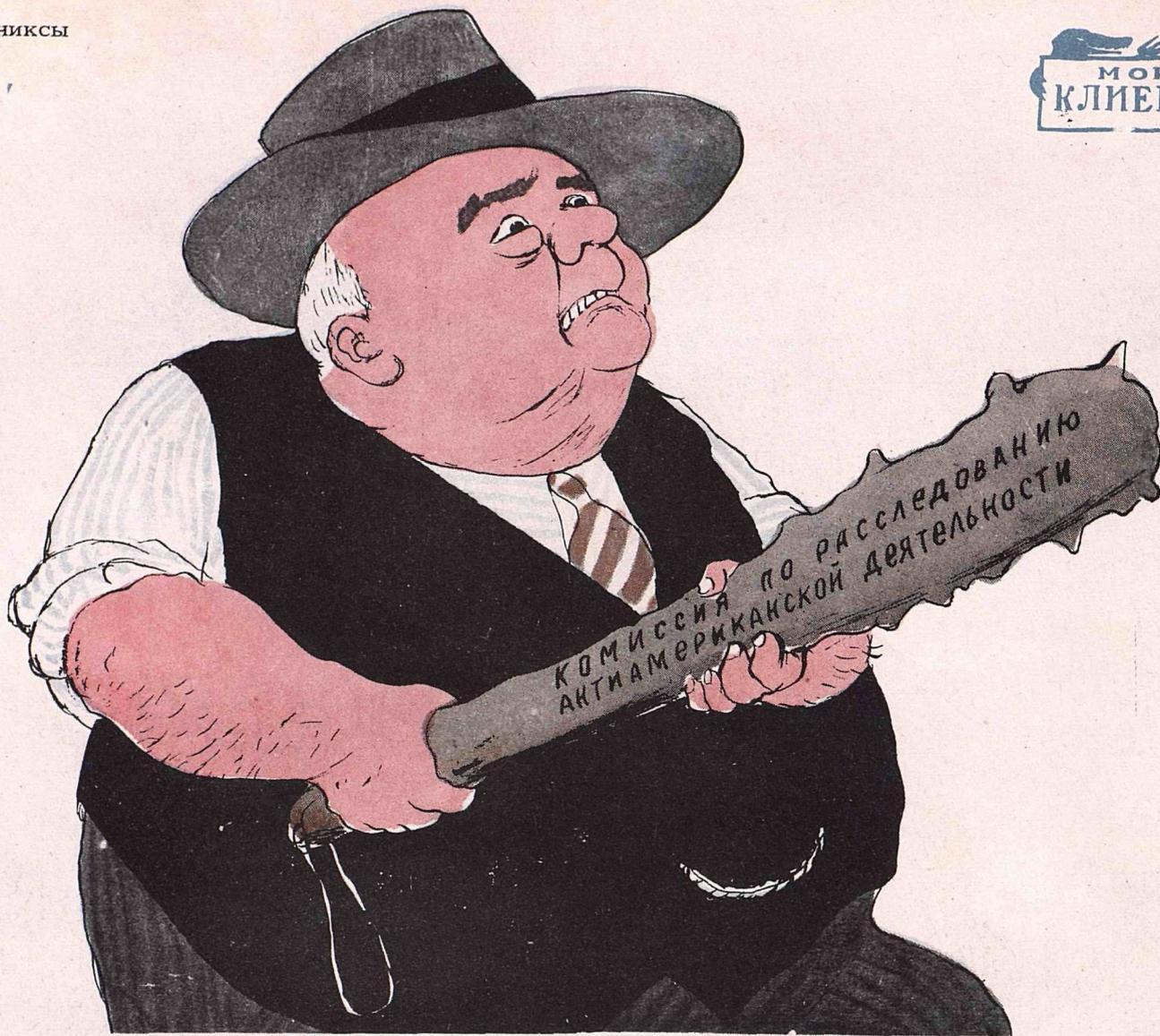
R 556/48r

Рис. М. ЧЕРЕМНЫХ

К ГОДОВЩИНЕ ДЕНЕЖНОЙ РЕФОРМЫ

ЮБИЛЯР: — А тому, кто не умеет беречь мою копейку, — грош цена!

ТОМАС, ОХОТНИК НА КРАСНЫХ

В УГОЛОВНОМ мире США к старым почтенным специальностям: форточникам, медвежатникам, гангстерам, ракетирам и похитителям детей — прибавилась новая: родственники мистера Томаса.

Эту многочисленную шайку провинциальных и столичных кузенов, внучатых племянников и двоюродных тёток с материнской стороны возглавил сам старшина рода — Джон Парнелл Томас, республиканский член конгресса от штата Нью-Джерси, председатель комиссии по расследованию антиамериканской деятельности.

Движимый любовью к своим родичам, Томас зачислил их в государственную платёжную ведомость, по которой они, нигде не служа, получали внушительные оклады.

Движимый любовью к самому себе, Томас половину от каждого из этих незаконных окладов клал к себе в карман.

От этой истории понесло таким густым смрадом скандала, что он прошиб даже притуплённое обоняние американской юстиции. Против Томаса и его секретарши Элен Кемпбелл возбуждено дело.

Таким образом, человек, который до сих пор был известен как профашист и антисоветский клеветник, оказался кроме того мошенником и казнокрадом.

Даже во время войны деятельность Томаса носила явственный профашистский характер. Томас во главе своей комиссии пытался установить: не финансирует ли ЮНРА компартии в европейских странах?

В то же время, пользуясь своими связями, он помог за крупные взятки сынкам из богатых семей уклониться от поездки на фронт.

Тогда же он призвёл на свет непревзойдённый по своей подлости афоризм:

«В настоящий момент мы не можем посадить человека за то, что он коммунист, но возможно, что завтра это уже будет осуществимо».

Это завтра наступило в США. Руководители американской компартии, преследуемые грязной клеветой Томаса, посажены на скамью подсудимых. Тридцать виднейших кинорежиссёров, артистов и сценаристов, в том числе Чарли Чаплин, актёр Робинсон, писательница Паркер, должны предстать перед этим человеком с репутацией пропойцы, который обвиняет цвет американской кинематографии в «проведении коммунистического влияния в киноиндустрии США».

Томас преследует известного антифашистского композитора Ганса Эйслера. По всей стране Томас гоним за прогрессивными деятелями, окрестив их изобретённым им словом «новокурсники» за их приверженность к политике «нового курса» покойного президента Рузвельта.

Сейчас Томас предан суду. Но он не очень встревожен. Его румяная физиономия продолжает появляться в газетах, нисколько не утратив присущего ей самодовольного выражения. Недавно из рекламных соображений Томас пригласил фоторепортёров в свой охотничий домик в Монро, обставленный с роскошью, происхождения которой теперь понятно. Снимок запечатлел американского Тартарена в тот момент, когда он спускает курки двустволки, демонстрируя свои спортивные таланты. К сожалению, заряд попал в проезжавшую мимо машину местного врача.

Но не этого рода охотничьими подвигами знаменит Томас. Недаром его называют «охотник на красных». Его специальность — выслеживание и гон людей. Последние разоблачения несколько снизили провокационную активность Томаса, временно обратившегося к идеалистическому подстреливанию прохожих. Это снижение жандармской ретивости комиссии Томаса уже вызывает недовольство в реакционных кругах.

«Новое демократическое руководство, — раздражённо брюзжит «Юнайтед пресс», — должно решить вопрос о возобновлении расследований «коммунистической деятельности» в Голливуде».

Вот почему 32 года тюрьмы и 40 тысяч долларов штрафа, предусмотренные статьёй закона, по которой привлечён Томас, нисколько не нарушили его душевного равновесия. Он плюёт на законы Америки. Он опубликовал в печати беспримерное по наглости открытое письмо к министру юстиции Кларку:

«Настоящим уведомляю вас, что я не намерен быть вашим политическим козлом отпущения из-за того, что вы потерпели неудачу с преследованием коммунистического врага».

Пойманный за руку вор, всенародно хвастающийся тем, что он гораздо успешнее попирает демократические свободы, чем сам министр юстиции, — такого бесстыдства ещё, кажется, не бывало никогда и нигде.

Джон Парнелл Томас вписал новую страницу в живописную историю американского гангстеризма.

Л. СЛАВИН

Рис. К. ЕЛИСЕЕВА

Цитрусовые культуры продвигаются с Черноморского побережья на Кубань.

В НЕДАЛЕКОМ БУДУЩЕМ

— Ну, и лето в этом году выдалось! Не успели ещё картошку убрать, а, глядишь, мандарины поспели!

Адам МИЦКЕВИЧ

(К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Если кто чуть нездоров,—
Приглашает докторов;
Кто ж серьёзней захворает,—
Тот знахарок приглашает,
А у них своя аптека —
Вмиг излечат человека —
Ревматизм, чахотку, рожу
Иль желудка несваренье.
Глухота и глупость тоже
Поддаются излеченью;
Лишь упрямство, как ни бились,
Излечить не научились.

Жил под Згежем некий Мазур.
У него пропала сука —
Стороже дома и лабаза.
Без неё в хозяйстве мұка.
Ищут, ищут, ищут всюду,
Но она — как знать причину? —
Вдруг сама вернулась... Чудо!
Выбрита наполовину!

— Негодяи! — вскрикнул Мазур —
Чтоб её узнать не сразу,
Выкинули, черти, штуку
И побрили нашу суку!
— Нет, она острижена,—
Говорит ему жена,—
Псов стригут, а эта брита?..
Мазур смотрит ядовито:
— Ты — с лицом ладони глаже —
Бородатых обучаешь!
Бредни! Стыдно слушать даже!
А наш пан, как ты считаешь,

Брито - Стрижено

Как по-твоему: старик
Лысину свою постриг?
— А усы у эконома,
Что повисли, как у сома,
Мне, пожалуйста, скажи ты:
Что же — стрижены иль бриты?

— Чорт с тобой и с твоим сомом,
С паном вместе с экономом! —
Мазур говорит сердито. —
Хорошо, что сука дома,
Хоть чудовищно обрита...

— Да, ты прав. Я тоже рада,—
Говорит жена со вздохом,—
Но, увы, признаться надо,
Что её остригли плохо...
— Ты о ножницах опять!
— Ты о бритве вспоминать!
Повнимательней смотри ты!
Видишь — стрижена!.. — Нет! Брита!
— Отчего же так неровно?
Это стрижка, безусловно!..

Так заспорили супруги...
Шум идёт по всей округе,
Все смеются и галдят,
«Брито! Стрижено!» — кричат,
— Подойди, скажи, сосед:
Сука стрижена иль нет?
— Подъезжай, еврей, скажи ты:
Разве сука не побрита?..
Ксёндз потом опрошен был,
Даже пан смотреть ходил.
Сей консилиум решил

Твёрдо и единогласно,
Что слепому даже ясно —
Брита бедная собака...

— Поняла ли ты, однако? —
Муж спросил жену в дороге.
Нет ответа. На пороге
Сучку увидели вдруг.
— Здравствуй, мой побритый друг!
А жена: — Как рада я,
Стриженная ты моя!

Тут не выдержал наш Мазур.
Онемев от злости сразу,
Молча он жену берёт
И к пруду её несёт,
Как с соленьями кадушку,
Окунул свою подружку.
Захлебнулась баба сразу,
Но во гневе страшен Мазур,
Он кричит: — Ну, что, жена:
Брита или стрижена?

Задышается бедняжка.
Но, как ни было ей тяжко,
Пальцы высунув наружу,
Словно ножницами, стала
Ими стричь под носом мужа.
Мазур в ужасе тогда
Прочь метнулся от пруда...
Добрела жена до хаты,
Бедный муж ушёл в солдаты.

1840 г.

Перевёл М. СВЕТЛОВ

ПОНЯЛ

Семён Семёнович Колякин, начальник одного солидного учреждения, был ещё довольно молодым человеком. Работать ему приходилось очень много, а работник он был дельный, энергичный, но отличался большой грубостью в обращении с людьми.

Ему нравилось, что его побаиваются сотрудники. Ему ничего не стоило выставить из кабинета неугодного посетителя или сказать в лицо пожилому консультанту: «Я из вас эту дурь выбью, чорт вас возьми!» Его не трогало, что седая, пожилая бухгалтерша, стоя, докладывает ему всякую бухгалтерскую всячину, в то время как он сам, сердито посапывая, сидит за своим громадным битюгоподобным столом.

Перед тем как войти к Семёну Семёновичу, сотрудники обычно спрашивали у его секретарши Анечки: «Ну, как «он» сегодня?» И секретарша в грозовые дни, шмыгая покрасневшим носиком, отвечала: «Рычит!», — а в безоблачные, улыбаясь,

радостно сообщала: «Пока не рычит. Идите скорей!»

Товарищи Семёна Семёновича не раз говорили ему, что, дескать, это рычанье не способствует росту его авторитета, а грубость не является его, Семёна Семёновича, гражданской добродетелью, но Колякин эти разговоры пресекал в корне:

— Характер у меня такой!

Ему резонно возражали:

— Характер — характером, Семён, а воспитание — воспитанием!

— Я не на дипломатической работе. Я не обязан блистать воспитанием. И кончено с этим! — резал Семён Семёнович.

...В этот день Семён Семёнович начал «рычать» с утра. На 5 часов вечера он был вызван с докладом к одному большому руководящему работнику — и в учреждении поднялась суматоха.

Уже к полудню носик у Анечки опух и она была вся зарёванная, а консультанты и референты, получив от Семёна Семёно-

вича двойную порцию «чертей», с шалыми глазами носились по этажам или сидели на телефонах, добывая нужные для ответственного доклада сведения.

Посетителей не принимали:

— Не до вас. Приходите завтра!..

Наконец все данные были собраны, все сведения учтены и проверены, все формулировки отточены, как сабли перед боем.

Семён Семёнович упаковал доклад в портфель из скрипучей седельной кожи бежевого цвета, сел в машину и поехал туда, куда его вызвали.

Когда он вошёл в приёмную большого работника, там никого не оказалось. Повидимому, дежурная секретарша куда-то отлучилась. Семён Семёнович поглядел на часы: «Ого, уже 5 минут опоздания!»

Он осторожно приоткрыл дверь кабинета и увидел, что большой работник сидит один за письменным столом и читает газету.

Рис. Бор. ЕФИМОВА

КРАЙНИЙ СРОК

— Два года тянет этот судья моё дело. Сколько же еще ждать.
— Недолго, гражданка! Дольше, чем до выборов судей, он не до-тянет.

— Разрешите войти? — сказал Семён Семёнович нежной фистулой.

Большой работник молчал: он продолжал читать.

Семён Семёнович вошёл в кабинет и сделал несколько шагов по направлению к письменному столу.

Большой работник продолжал читать. Семён Семёнович кашлянул. Никакого результата! Наверное, статья в газете была очень интересной!

Семён Семёнович постоял с минуту, чувствуя, как у него неприятно потеют опущенные по швам руки, потом кашлянул ещё разик — погромче. И вдруг большой работник положил газету, посмотрел на Колякина непроницаемыми тёмными глазами и даже не очень сердито, но весьма веско и раздельно сказал:

— Почему вы вошли без предупреждения, чорт вас возьми! Уходите! И ждите, пока вас вызовут!..

Сказав эту фразу, большой работник снова взялся за газету, а Семён Семёнович, багровый от неловкости, повернулся и на ватных ногах вышел из кабинета.

Войдя в приёмную, он плюхнулся на диван и, мало что соображая, сказал секретарше — она была уже на месте:

— Погода нынче неважнецкая!..

— Дождь! — согласилась секретарша.

Из кабинета позвонили, и секретарша вышла на звонок.

Быстро вернувшись, она пригласила Семёна Семёновича зайти.

С ощущением мутной неловкости, красный, потерявший всю свою важность, Семён Семёнович вторично перешагнул порог злополучного кабинета.

Большой работник поднялся из-за стола и пошёл ему навстречу.

— Ну, здравствуйте! — как ни в чём не бывало сказал большой работник, протягивая Семёну Семёновичу руку. — Садитесь! Вот сюда, в кресло. Здесь удобней.

Семён Семёнович сел, попрежнему ничего не соображая от чувства ужасного удивления всем происходящим.

— Вы курите? — спросил большой работник. — Курите!

Он протянул портсигар. Семён Семёнович взял папиросу потными, негнувшимися пальцами.

— Вы табачным концом в рот взяли папиросу, — мягко поправил совсем оплошавшего посетителя хозяин кабинета. — Вот так. Теперь в порядке!..

Он дал Семёну Семёновичу прикурить и, улыбаясь одними глазами — умными, усталыми и, тем не менее, как показалось Семёну Семёновичу, необычайно зоркими, — сказал с той же мягкостью:

— Я принял вас пять минут тому назад так, как вы обычно принимаете ваших сотрудников. Вы уж меня извините, пожалуйста!..

У Семёна Семёновича сам собой открылся рот.

— Так, ведь я же... — начал было он.

— Не будем больше говорить на эту тему, — перебил его большой работник, — давайте ваши материалы. Займёмся делом.

Говорят, что после этого случая Семён Семёнович заметно изменился к лучшему. Он понял, что дальше так вести себя нельзя. Всякий раз, когда ему хочется «зарычать» на подчинённого, он вспоминает сцену в кабинете большого работника, рык застревает у него в горле и незаметно для Семёна Семёновича переходит в нежную фистулу.

Фотомонтаж А. ЖИТОМИРСКОГО

Представитель Южно-Африканского Союза в ООН выступил с речью против равноправия цветных народов.

Делегат Южной Африки направляется на Ассамблею в комиссию по охране прав человека.

ПОКРОВИТЕЛИ

Англо-американские оккупационные власти всячески покровительствуют бывшим нацистам, военным преступникам и уцелевшим представителям прусского юнкерства. Так, в г. Касселе (американская зона оккупации) недавно было основано «Общество по оказанию содействия германским благородным фамилиям», включающее в себя пансион для престарелых аристократов и другие благотворительные учреждения.

(«Форвертс»)

ОБЪЯСНИМОЕ ПОЖЕЛАНИЕ

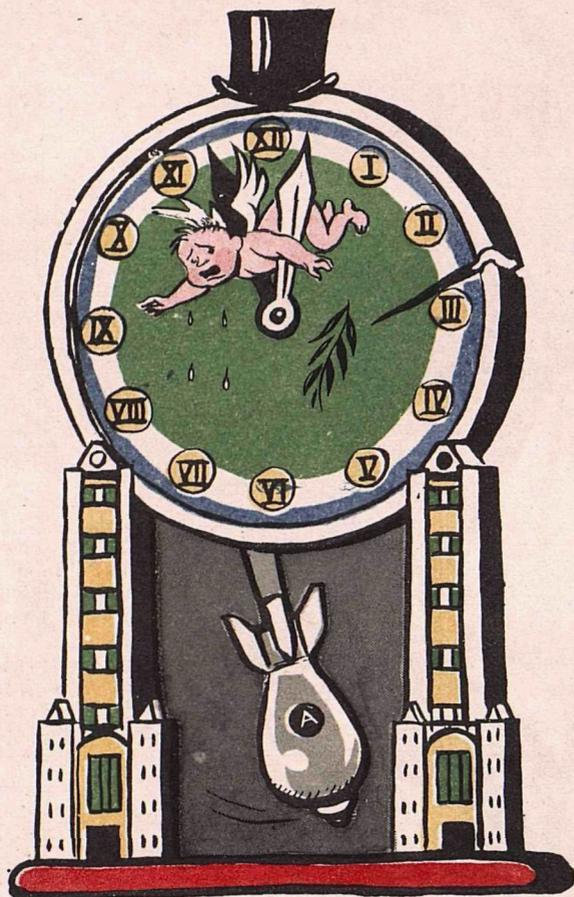
Английская консервативная газета «Дейли миррор» поместила недавно письмо читателя Робинсона, в котором, между прочим, говорится следующее:

«Учитывая требование мистера Черчилля о том, что вопросы обороны должны обсуждаться при закрытых дверях, я хотел бы предложить, чтобы все речи мистера Черчилля в интересах дела мира не предавались огласке».

(«Нахтэкспресс»)

КОЛЛЕКЦИЯ ЧАСОВ

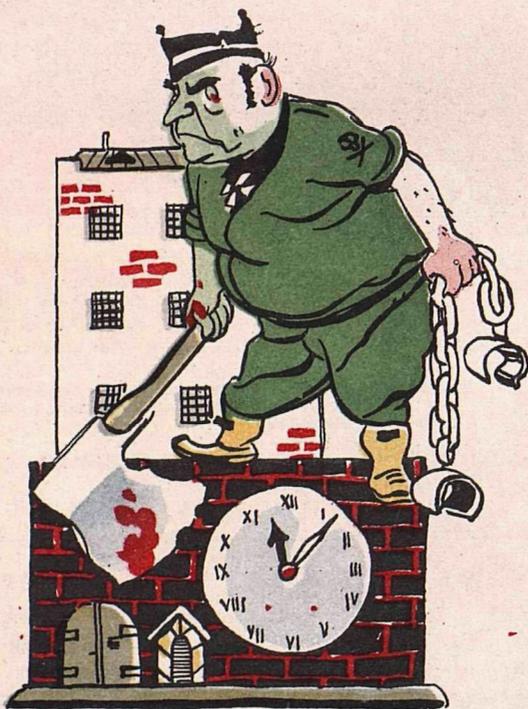
Часы поджигателя войны.

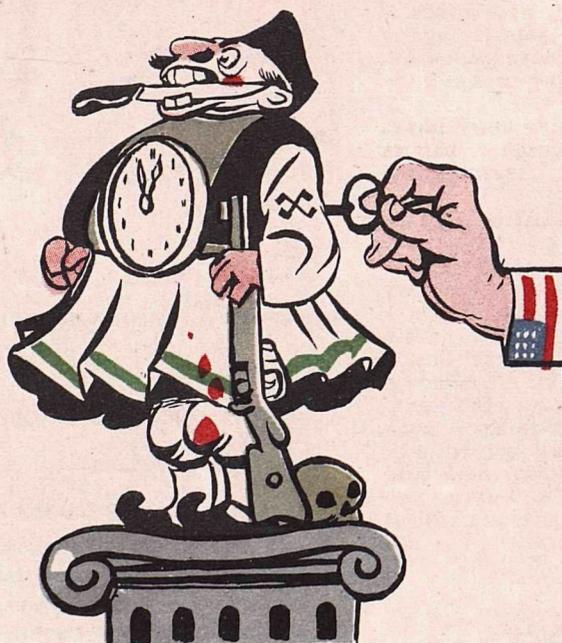
Часы марки «Тредюнионист». Верны (предпринимателям).

Американские часы «Британский лев» (ручные).

Испанские часы с цепочкой.

Греческие часы с американским заводом.

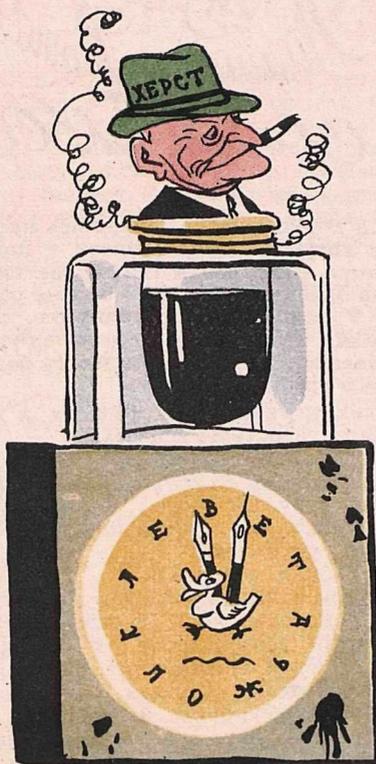

Турецкие карманные часы для амери...

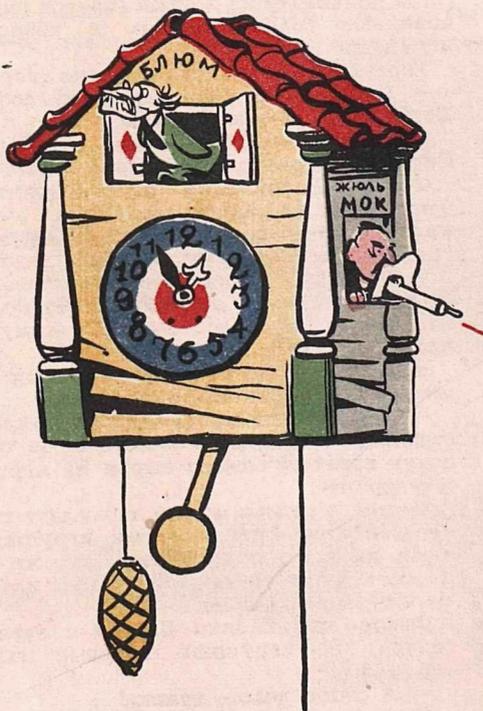
Урок

АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

РАДИОПАРОДИЯ

Часы, которые постоянно врут.

Французские часы с кукушкой (проданы).

ЛОНДОН. Туман. Радиостудия. Сидят актёры. Одни играют в карты. Другие пьют пиво. Третьи дремлют.

Диктор: — Начинаем передачу для слушателей Советского Союза. Тема сегодняшней нашей передачи — «Безработица в Англии». Мы не любим врать. (За перегородкой кто-то смеётся.) Тихо! Мы не любим скрывать недочёты нашего строя. (Тот же смех.) Тихо! Поэтому мы вам расскажем сейчас, ничего не скрывая, как живёт средний лондонский безработный. Наш микрофон установлен в семье... (Тот же смех.) Тихо!.. В семье безработного швейцара мистера Кларка. Внимание! Перед вами скромная квартира безработного швейцара. Всего одиннадцать... Виноват, всего десять комнат. Что же поделаться? Приходится мистеру Кларку с семьёй ограничиться такой маленькой квартирой в десять комнат. Проклятая безработица! (Грустная музыка.) Сейчас я вас познакомлю с семьёй Кларка. Вот глава семьи, мистер Кларк.

Актёр (держит в руках недопитый стакан пива): — Да, я мистер Кларк. Безработный швейцар. А вот моя супруга, миссис Кларк. (Шопотом.) Где артистка, исполняющая роль моей жены? Куда она девалась? (Лёгкое смещение. Диктор хватается за шиворот дремлющего на стуле толстого актёра: «Вы будете исполнять роль миссис Кларк».)

Толстяк (женским голосом): — Да, я миссис Кларк. Уже двадцать два года, как я замужем. Чувствую себя неплохо, как и все замужние женщины нашей страны.

Кларк: — А вот это мой сын Джем. Окончил в прошлом году коттедж.

Диктор (тихо): — Не коттедж, а колледж.

Джем: — Да, папа, я окончил в прошлом году... (Диктор ему: «Колледж»)... колледж, а не коттедж.

Толстяк: — У нас в Англии существует такая традиция, что многие женщины, в особенности замужние, имеют детей. Я, миссис Кларк, тоже, чорт возьми... (Диктор на него шикает.) слава богу, имею детей. Это мой сын Джем, а вот это моя дочь Мэри.

Мэри: — Иес.

Толстяк: — Мэри, скажи ещё что-нибудь по-английски.

Мэри: — О-кей!

Толстяк: — Какое произношение! Я уверен, то есть, уверена, что с таким произношением она скоро выйдет замуж.

Диктор: — Мистер Кларк и миссис Кларк! Дорогие Джем и Мэри! Я вам не буду мешать. Поговорите между собой, о чём хотите. А я уйду.

Кларк: — Я сегодня чертовски устал. Целый день ездил в поисках работы!

Мэри: — На чём, папа, ты ездил: на нашем «форде» или на нашем «паккарде»?

Кларк: — А на чём ещё, бедная моя девочка? Ведь я безработный.

Толстяк: — Когда мой муж не был безработным, а был швейцаром, у нас было девять автомобилей.

Джем: — Не надо, мама, преувеличивать, не девять, а восемь.

Толстяк: — Правильно, Джем. Восемь. Но я по ошибке засчитала и велосипед.

Кларк: — Нет работы! Нет работы! Не нужны сейчас швейцары. Нужны лакеи.

Толстяк: — Ну?

Кларк: — Хотел в лакеи. Не берут. Спрашивают: «Вы не правый лейборист?»

Говорю: «Нет». Отвечают: «Не годитесь в лакеи». (Тяжело вздыхает.)

Мэри: — О чём вздыхаешь, папа?

Кларк: — Заботы, дитя моё, заботы. Думаю вот, что пора нам сменить нашего шофера Джека. Он плохо справляется с новыми марками машин.

Джем: — Я это давно заметил.

Толстяк: — Сменить, так сменить. Это всегда полезно — сменить. Я только против смены нашего дорогого правительства. (Кларку.) Не хочешь перекусить?

Кларк: — Нет, спасибо. Я пообедал с друзьями в ресторане для безработных. Там хорошо кормят. Правда, дорого. Но что поделаешь? Там подают хорошие французские вина. А какие коктейли! (Оглядывает квартиру.) Сколько у нас комнат?

Толстяк: — Забыла... Столько домашних дел, что из памяти вылетает очень многое. Мэри, посчитай.

Мэри: — Джем окончил колледж, он лучше меня считает.

Джем (считает): — Раз, два, три... Десять! У нас десять комнат.

Кларк: — Тесновато.

Толстяк: — Придётся сменить квартиру комнат на пятнадцать. Больше нельзя. Нам теперь не по средствам.

Кларк: — Проклятая безработица! Вечером пойду опять искать работу. Мэри, приготовь мой вечерний костюм и крахмальную рубашку с брильянтовыми запонками. (Тяжело вздыхает.)

Толстяк: — Мэри, дочь моя, сыграй мне что-нибудь в четырёх руки на нашем новом рояле.

Мэри: — Что-нибудь классическое или современное?

Джем: — Классики устарели. Их надо играть пальцами. Сыграй что-нибудь такое, новое, чтоб кулаками и локтями.

Мэри: — Олл-райт. (Играет какую-то какофонию.)

Диктор: — Только что в квартиру Кларка вошла молоденькая хорошенькая девушка. Она русская. Зовут её Маша Катериновна. Она невеста Джема Кларка. Предоставим ей слово. У микрофона Маша Катериновна. Русская девушка. Говорит по-русски почти без акцента.

Маша Катериновна (это старая фурия, уродливая, горбатая, накрашенная, безвкусно одетая): — Я русский девушка. Мне почти восемнадцать лет. Говорят, что очень хорошенький. Меня страшно любил англичанин Джем Кларк. Я недавно приехала из Советской России. Вот уже три шутки, как я проживаю в Лондоне. Целый день хожу в заграничных чулках. Чувствую себя хорошо. То есть олл-райт! Крашу мои губы заграничной помадой и читаю «Британский союзник». Вот эта пастливая жизнь! Вот о чём я мештала ещё в пелёнках, когда жила в Москау, на Кузнецкий Мост. Это очень деревянный мост, он всё проваливался, и я падала в водичку — там она у них называется Мосминвод. Потом меня там заставляли собирать железный лом для строительства железный занавес и ремонта старых, Никитских ворот и новых, Красных ворот. Кроме железного занавеса и две ворота в Москау ничего нет. Даже метро там нет. (Диктор: «Что вы! Это уж слишком!») То есть, метро есть, но туда пускают только одни коммунисты. Вот почему я уехала в Лондон. Олл-райт!

Диктор: — Всё! Следующая наша передача завтра, в это же время.

КИР

БАЗЫ И ПРОЛАЗЫ

(БАСНЯ)

Однажды

В селеньи Дальние Пруды
Для утоленья жажды
Открыли «точку» газированной воды,
Да не успели распродать и ста стаканов,
Как Пищеторг энергию развил
В сто лошадиных сил,
На «точку» с высшей точки зренья глянув,
Чтобы проверить, как вода течёт,
И начертить шкалу водонапора,—
Была основана контора
«Водонапоручёта»,
Засим была открыта база
Учёта газа;
Дабы учёт получше на баланс влиял,
При базе учредили филиал...
Сюда бездельники во все пролезли щели,
Они вокруг воды холодной руки грепи.
И вдруг (как стало ясно на суде)
Пролазы вместе с базой прогорели
На несгораемой воде.

* * *

Да нет, читатель! Мы как раз
Не против баз.
Но базы нам нужны (мораль невредно
вывести)
На базе бережливости!

63
Напечатанного

СЕАНС РАЗДВОЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

До сих пор мы знали Игоря Ильинского как замечательного мастера театра и кино.

Но с присущей всем знаменитостям скромностью Игорь Ильинский тщательно скрывал, что он к тому же блестящий иллюзионист. Так, недавно Игорь Ильинский выступал в городе Орске, Чкаловской области, и успешно продемонстрировал опыты раздвоения личности (в буквальном, физическом смысле слова).

Вот что пишет об этих опытах газета «Орский рабочий»:

«...артист отнёсся к выступлениям «на периферии» с исключительной лёгкостью, можно сказать даже — легкомысленностью, только как к одному из своих «коммерческих мероприятий».

В этом убедили нас и непомерно вздутые цены на билеты и главным образом одновременные выступления в нескольких местах.

9 ноября Ильинский выступал в городском театре и в клубе завода имени Чкалова.

10 ноября он решил дать три концерта. Два из них — в Доме культуры нового города и в городском театре — были назначены на 9 часов (оба в одно время!), а третий (на мясокомбинате) — на 10 часов 30 минут.

Естественно, основное внимание было обращено не на качество концертов, а на их «техническое обеспечение», то есть на переезды с места на место: «Как бы не опоздать!»

Одним словом, получилось почти по Маяковскому, которого любит читать Игорь Ильинский:

— Они на двух концертах сразу!...

Рис. Д. ДУВИНСКОГО
(По теме читателя З. Вайнриба, Симферополь).

— Неужели, профессор, мне придётся ехать куда-то на периферию? Ведь вы сами говорили, что с моими знаниями я далеко не уеду!

ДЕД МОРОЗ, бодро опершись на посох, с хитрецей посматривает с подоконника. Снегурочки глядят так умиленно, что опасаясь, как бы они не расплылись. У зайца такое выражение, словно он только что закончил составление годового баланса, в котором оказалась большая цифра в графе «Прибыль».

У всех игрушечных человечек и зверушек лица радостные и весёлые:

— Поиграйте с нами!

Их обладатель сидит мрачный, капризно выпятив губу. Он басит:

— Допрыгались, доигрались...

— Что случилось?

— Ограбили, разорили!

Не будем держать читателя в неведении. Дело происходит не в детском саду. Над игрушками сокрушается не пятилетний Федя, а Фёдор Михайлович Шиков, председатель артели «Детская игрушка». Ангельские снегурочки и добряки деды Морозы — для него грозные разбойники с кистенями и отмычками. Они обескровили артель, оставили её без копейки денег.

Произошло это просто. С начала года артель развернула кипучую деятельность по производству тряпичных игрушек. То ли руководители артели передали игрушечным личикам своё скорбное выражение, то ли в технологии пришивания ножек была допущена ошибка, — горьковские продавцы на эту продукцию не польстились. Покуда шло изменение технологического процесса и улучшение зайцев, на полках для них уже не оказалось места. Сюда повезли из других городов видимо-невидимо более дешёвых и добротных игрушек.

Торгующие организации давно твердили:

— Поставляйте нам лающую собачку! Возьмём на многие тысячи!..

Образцы собачки давно утверждены. Спрос на лающую собачку огромный.

Фёдор Михайлович и сам признаёт, что собачка на данном этапе имеет лучшие ходовые качества для сбыта, чем куклы с тряпичными ножками. Но, видите ли:

— Собачка является лимитированной. Нужна детальная разработка технологии, подготовка производства. К этому мы идём...

Магазины ждут от артели ёлочных украшений из стекла. Но, видите ли:

— Данный вид продукции не можем поставлять в большом объёме из-за отсутствия стратегического сырья на игрушечном фронте.

Теперь в артели можно наблюдать законченный цикл производства: игрушку делают, игрушку принимают и тут же складывают. В артели уже накопилось игрушек на 400 тысяч рублей.

Фёдор Михайлович Шиков с завистью говорит об игрушках, которые находят себе сбыт:

— А наше дело — тряпка!

Недавно игрушечных дел мастерам повезло: нашлась какая-то контора, которая согласилась отправить партию игрушек на Дальний Восток и в Ереван. Но странное дело: игрушки в далёкие края отправили, но завал на складе ничуть не уменьшился.

Шиков снова ходит мрачный: он изучает сейчас карту Арктики. Нельзя ли туда зарядить тряпичных медведей?

А. ЕРОХИН

г. Горький.

ТАЛАНТЫ и ПОЛОЖЕННИКИ

ПРИ НАЛИЧИИ ОТСУТСТВИЯ

В МОСКВЕ так много театров, что просто душа радуется. Ровно в двадцать ноль-ноль по московскому времени словыная трель третьего звонка легко взлетает над городом, и сладко падают сердца у занявших места согласно взятым билетам. Миг раздвигающегося занавеса упоителен и волнующ, он манит и обещает. В маленьком квадрате сцены уместается всё: дни и ночи, коварство и любовь, волки и овцы, факиры и таймыры. Каких чудес тут не намотришься! И какие только мысли не приходят в голову!

Куда мы пойдём сегодня, читатель? В МХАТ? В Большой? В Малый? Театров много, и выбор очень велик. Есть цыганский театр «Ромен», есть Государственный театр кукол, а сколько детских театров, сколько филиалов!

Есть в Москве театры с очень странными, если вдуматься, названиями. Например, «Камерный театр». А идут в нём пьесы Всеволода Вишневского, насыщенные обстрелами, взрывами и массовыми сценами. Где тут логика? В чём тут камерность?

Или, скажем, «Театр сатиры». Хороший театр, с превосходным актёрским ансамблем. Пользуется заслуженной и прочной любовью зрителей. Но при чём тут сатира? С гораздо большим правом театр мог бы именоваться мелодраматическим или лирико-комическим. Если исходить из репертуара.

Однако если театр не оправдывает своего названия, это ещё не самая большая беда. Название всегда можно изменить. На худой конец, можно иногда изменить и театр.

Гораздо хуже, когда нет ни театра, ни названия, а есть только острая необходимость и в том и в другом. Тем более что и то и другое было совсем недавно, и московский зритель не может, да и не хочет забыть об этом.

Речь идёт о бывшем Московском театре эстрады и миниатюр. Как известно, театр этот существовал не год и не два. Он работал десять лет. Это не был театр сплошных удач. Такого театра вообще нет. Театр эстрады и миниатюр работал в очень трудном жанре. Были и ошибки и провалы. Но были и удачные, весёлые и содержательные программы. Московский зритель привык к тому, что на улице Горького есть весёлый эстрадный театр, где в один вечер можно увидеть небольшую пьесу, хороший эстрадный номер, послушать новые песни, новый фельетон на острую международную тему, полюбоваться на мастерское исполнение народного танца, посмеяться над забавными интермедиями, доходчивым конферансом.

В театре были талантливые мастера эстрадных жанров, такие, как Рина Зелёная, М. Миронова, Р. Юрьев, А. Менакер и другие. Однако бывший Театр эстрады и миниатюр не пользовался осо-

быми симпатиями бывшего руководства Комитета по делам искусств:

— Несерьёзный какой-то этот театр... Всё шуточки да прибауточки, танцы да песенки, скетчи да интермедийки... Одно только беспокойство с ним...

Порассуждав примерно таким образом, бывшее руководство призадумалось. А призадумавшись, пригорюнилось. А пригорюнившись, издало приказ. А тогда пригорюнился уже и театр. И не зря. Не то чтобы театр закрыли. Это было бы слишком грубо. Театр просто перестроили на ходу. Театру предложили чередовать эстрадные программы с постановкой трёхактных комедий и оперетт.

На практике всё это быстро свелось к тому, что, как в басне Крылова:

«И сделалась моя Матрёна
Ни пава, ни ворона».

Или, говоря точнее:

«И сделалась моя программа
Ни оперетта и ни драма».

Театр эстрады и миниатюр отказался от эстрады и миниатюр, поставил несколько полнометражных пьес комедийного плана. Спектакли были в основном не слишком удачные. Да это и понятно. Театр эстрады фактически перестал существовать. Люди привыкли и умели работать в своём основном жанре, в своём профиле. Пресса совершенно резонно критиковала театр. Комитет театру не помогал, не пёкся о нём. Театр переселили из бельэтажа на улице Горького в подвал на улице Хмелёва. Остатки труппы назвали Театром Дзержинского района, прихлопнули их двумя плохими пьесами, и быстро освободившееся помещение подвала срочно предоставили другому коллективу.

Вот, собственно, всё.

Москва осталась без Театра эстрады.

Желающие могут ездить в Ленинград или ждать, пока Аркадий Райкин приготовит новую программу или обновит старую и приедет в столицу на гастроли с Ленинградским театром эстрады и миниатюр.

Между тем необходимость и закономерность существования в столице такого театра, казалось бы, не внушают сомнения и не нуждаются в доказательствах. Это ясно и зрителю и актёрам. Это понимают в Комитете по делам искусств. Но там считается (или только считалось?) дурным тоном всякое упоминание о печальной истории Театра эстрады. В своё время начальник эстрадного отдела Комитета, открывая очередное совещание, прямо предупредил собравшихся: «Давайте только условимся не начинать опять разговора о том, как закрыли Театр эстрады. Это и так всем известно».

Известно-то — оно известно. Но вот неизвестно, как теперь открыть такой театр.

А. РАСКИН

МЕНДЕЛИСТ-МОРГАНИСТ НА КАТКЕ

Рис. А. КАНЕВСКОГО

— Что касается вопроса об устойчивости на коньках, то кажется, у меня получилось тоже самое, что и с вопросом об устойчивой наследственности.

Рис. В. ГОРЯЕВА

РАДУШНОЕ РАВНОДУШИЕ

— Когда же наконец вы рассмотрите моё изобретение?! Который год к вам хожу!..
 — И правильно! Молодец! Ходите! Требуйте! Добивайтесь! Будьте настойчивы!..

ВОТ КАКОЙ РАССЕЯННЫЙ!

С работником Армавирского финотдела Дубником стряслась неприятная история: у него пропал перочинный ножик.

При каких обстоятельствах случилось это прискорбное происшествие, установить было трудно. То ли во время служебных визитов к отдельным гражданам-армавирицам, то ли в гостях у знакомых, но точно, у кого именно оставлен по рассеянности ножик, хоть убейте, Дубник вспомнить не мог.

Как же найти выход из создавшегося положения? Вернее, как найти ножик?

Дубнику пришла на выручку природная смекалка и... наличие официальных повесток финотдела.

Всем, всем, кто имел неосторожность накануне встретиться с Дубником, была послана по почте повестка:

Гр-ну прожив. по ул.

Вам надлежит прибыть в Горфинотдел к 8 часам утра 23/Х 1948 г. в комн. № 1 к тов. Дубнику по вопросу оставления у Вас при зачинке карандаша ножика.

Прошу Вас таковой возвратить».

К сожалению, мы так и не знаем, обнаружил ли Дубник, в конце концов, свой ножик.

Товарищ Дубник, не оставляйте нас в неведении: напишите нам, помогли ли вам повестки финотдела в борьбе с рассеянностью.

НЕЗАУРЯДНЫЙ ОРАТОР

С грустью приходится отметить, что ещё наблюдаются отдельные личности, подверженные всевозможным человеческим слабостям: одни не в меру пристрастны к еде, другие чересчур злоупотребляют сном, третьи склонны хронически «болеть» на футбольных матчах...

А директора Самаркандского племенного совхоза № 1 тов. Батырова хлебом, например, не корми, а дай только выступить на трибуне. При этом нужно сказать откровенно: доклады Батырова всегда собирают полную аудиторию, хотя оратора никак нельзя упрекнуть в оригинальных мыслях, или особом красноречии. Совсем наоборот: говорит Батыров настолько вяло и неинтересно, что мухи готовы дохнуть от скуки.

В чём же секрет успеха? Всё объясняется довольно просто: Батыровым отдано строгое распоряжение не отпускать продуктов из магазина совхоза тем сотрудникам, которые не посе-

щают его выступлений или оставляют зал, не дождавшись конца.

Так Батыров не словами, а делом доказал, что он является незаурядным оратором.

ЗЛАЯ СУДЬБА

Тернист и извилист жизненный путь кошки Мурки. Поначалу судьба как будто была к ней благосклонна и столкнула её с начальником торгово-заготовительной базы орс Горьковского треста транспортного лесного хозяйства тов. Колпашниковым. В лице последнего Мурка обрела истинного покровителя и благодетеля. Кошка вправе была гордиться Колпашниковым, который всю свою любовь к четвероногому другу выразил в следующих вдохновенных строках:

«Приказ

В целях борьбы с грызунами на складе базы разрешаю производить выдачу ежемесячно в распоряжение зав складом Хамова, начиная с 1 января 1948 года, по 50 руб. на содержание кошки».

Но счастье, как говорится, было недолгим. Недавно на склад пришли недобрые ревизоры и предложили прекратить непроизводительные расходы на содержание кошки. Пришлось начальнику торгово-заготовительной базы Мурку сократить. И теперь, к великому горю Колпашникова, бедной кошечке приходится вести борьбу с грызунами без всякого стимула, на равных основаниях с другими кошками, никогда не получавшими за это заработной платы.

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

Дорогой Крокодил!

Знаешь ли ты, что такое цветные карандаши «Тактика»?

Эти карандаши, оказывается, отличаются особыми свойствами:

Работать ими на картах невозможно. Они оставляют едва заметный след и рассыпаются, как только пытаешься слегка нажать.

Малая Советская энциклопедия разъясняет, что тактика в общем смысле — это приёмы, применяемые для достижения известной цели.

Какие цели преследовала фабрика имени Сакко и Ванцетти, выпустив карандаши «Тактика»? Чтобы мы имели представление о плохом качестве этих карандашей? Если это так, то смеем тебя заверить, что цель достигнута.

Майор ДЕДАШЕВ, Герой Советского Союза майор ЕЛЕЦКИХ, майор СУПОНИН и трижды Герой Советского Союза КОЖЕДУБ.

Товарищ Крокодил!

Мы вовсе не подозревали, что занимаемся литературной деятельностью, подавая три года подряд в разные инстанции бесчисленное количество заявлений о производстве ремонта в нашей квартире. Открыл нам глаза на это начальник второго райжилуправления Дзержинского района тов. Павлов. На одной из наших очередных

просьб он написал следующие, полные юмора строки:

«Ваше литературное враньё не имеет оснований».

Неужели, тов. Павлов? Если бы вы взяли на себя труд и заглянули как-нибудь в квартиру 11 дома 32 по Гагаринской улице, то убедились бы, что у нас больше оснований требовать срочного ремонта, чем у вас оснований так грубо отвечать на наши заявления.

И. БЕРГЕР

Ленинград.

Уважаемый Крокодил!

Когда бывшего заведующего Шарлыкским районным отделом народного образования Жаданова, снятого с работы за крупные хищения, кто-то спросил, как ему удалось устроиться в плановом отделе райисполкома, он, скромно потупив очи, ответил:

— Знаете, не было бы счастья, да несчастье помогло! После того как в газете «Шарлыкская коммуна» был напечатан фельетон о том, что я растратил немалую сумму денег, на мою деятельность обратили весьма серьёзное внимание. Три дня обсуждался фельетон в авторитетных инстанциях, три дня меня честили на все корки, а на четвёртый день решили, видимо, крепко наказать: сняли с должности зав. районо и послали работать в плановый отдел исполкома. Там я теперь планирую...

А что планирует Жаданов, неизвестно. Вполне возможно, новую растрату. Благо за это в Шарлыке не так уж сильно достаётся.

В. ШОРОХОВ

г. Шарлык, Чкаловской области

Дорогой Крокодил!

Телеграф, как известно, существует для передачи сообщений на расстояние. Этой же точки зрения придерживается, повидимому, и начальник станции Архангельск, Северной железной дороги, тов. Пароходин. Желая максимально использовать услуги телеграфа, он решил вступить в переписку со своим заместителем Рыбиным при помощи этого чрезвычайно удобного средства связи.

И вот полетела телеграмма со станции Архангельск на станцию Архангельск. Из кабинета начальника станции в кабинет заместителя. От одного стола к другому столу — на расстоянии 30 метров.

Теперь можно с полной уверенностью считать, что тов. Пароходин, сам того не ведая, установил мировой рекорд посылки телеграммы на самое короткое расстояние.

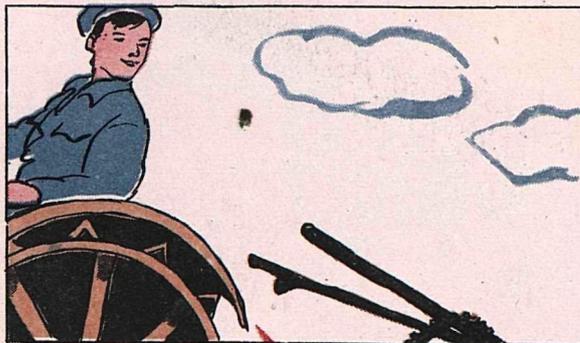
А. КАЛИНИЧЕВ,
редактор дорожной газеты
«Северный путь»

г. Вологда.

КРОКОДИЛ ПОМОГ

Молотовская заготконтора пищевой промышленности допускает большие накладные расходы при заготовке сухого шпиковника. Об этом факте в № 28, в отделе «Из напечатанного», Крокодил поместил выдержку из фельетона «Витамин С», опубликованного в молотовской газете «Звезда».

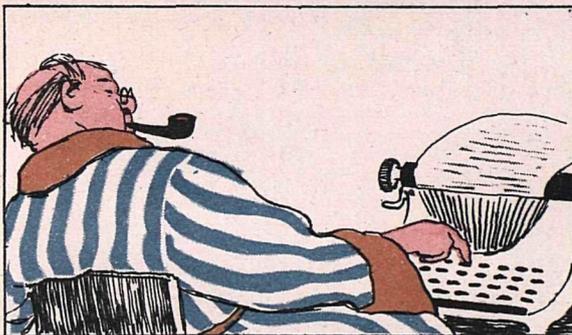
Как сообщает зам. министра пищевой промышленности РСФСР тов. Павлов, в целях значительного снижения отпускных цен на сухой шпиковник решено Молотовскую заготконтору ликвидировать.

Мы приветствуем новую технику в сельском хозяйстве...

...у маляров...

...у писателей.

И только художникам рекомендуем работать по старинке: с натуры.

Главный редактор — Д. БЕЛЯЕВ. Редакционная коллегия: С. ШВЕЦОВ (зам. главного редактора), А. ВАСИЛЬЕВ, С. ВАСИЛЬЕВ, Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (Ш. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), С. НАРНИЯНИ, Б. ПРОРОКОВ, И. РЯБОВ, Г. РЫКЛИН.

Изд-во «Правда». Адрес ред.: Москва, 40, ул. «Правды», 24, тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Прием ежедневно с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 3 руб. 60 коп. в месяц. Москва. Изд. № 1037. Подписано к печати 2/ХІІ 1948 г. Статформат 72×105 см. Печ. л. 1½. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000.

А — 11319. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 2740. Тираж 150 000 экз.

Существо и форма

Вот четыре фотографии. По существу, все они изображают одно и то же. Разница только в форме.

Мы имеем в виду полицейскую форму.

Первая фотография изображает, как в США полиция расправляется с бастующими рабочими завода «Ферчайлд кэмра энд инструмент компани». Правда, полицейские здесь видны только до пояса, но заверяем читателя, что и эти брюки на полисменах форменные. И форма эта принадлежит полиции штата Нью-Йорк, того самого штата, в чьем районе находится небезызвестная статуя Свободы.

На второй фотографии английские «бобби» влекут участников антифашистской демонстрации. Как видите, форма на «бобби» чисто английская. Форма старая: она была при консерваторах, такой же осталась при лейбористах. Что же касается до арестованных, то их положение от этого мало меняется. По существу, происходит то же, что и в Нью-Йорке: не хочешь, чтобы тебя арестовали, будь смиренным, слушайся хозяев, восхваляй «план Маршалла».

Третья фотография. Париж. Действуют «ажаны» — французские полицейские, — разумеется, в присвоенной им форме. Задерживают они демонстрантов, которые осмелились — страшно сказать! — изъявлять протест против выставки книг, написанных в своё время сторонниками сотрудничества с Гитлером. Что же и выставлять в современной Франции Жюль Моки и де Голля, как не книги, свидетельствующие о рабском подчинении фашизму? И кого же Жюль Моки будут арестовывать, как не людей, не желающих возрождения фашизма? Что ни говорите, третья фотография очень подходит к первым двум.

Но и четвёртая не отстаёт. На четвёртом фото орудует полиция в городе Риме. Форма здесь, само собой очевидно, итальянская. И действуют господа карабинеры ядовитыми газами, при помощи которых выкуривают из дворца Калонн Галлери в Риме рабочих, демонстрантов, антифашистов.

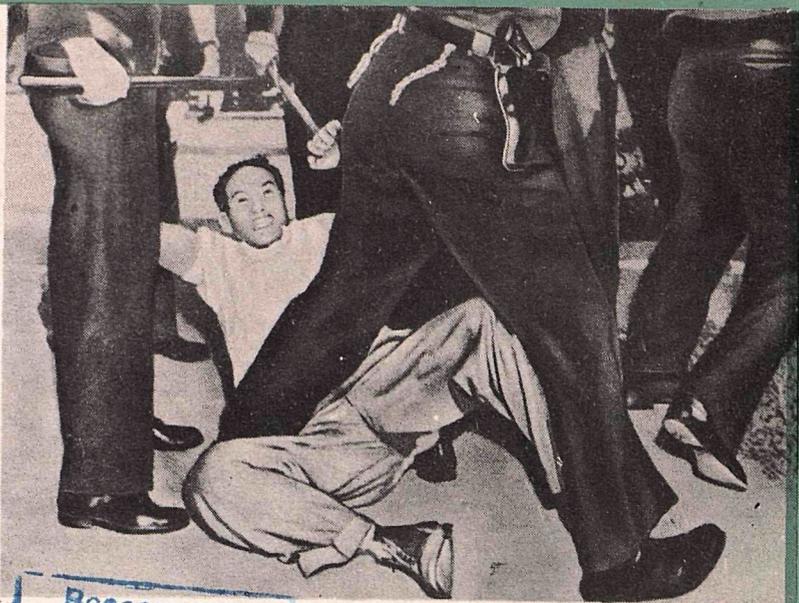
Всё ясно. Четыре страны: США, Англия, Франция, Италия. Четыре крупнейших города в этих странах: Нью-Йорк, Лондон, Париж, Рим. Четыре полиции в разных формах. А существо одно — тащить и не пущать всех тех, кто протестует против фашизма, против поджигателей войны.

Конечно, количество фотографий можно было бы увеличить. Нашлись бы снимки, сделанные в других капиталистических городах и странах. Формы полицейских оказались бы новые. А суть дела была бы всё та же.

Но, повторяем, дело ясно и без дополнительных снимков. Ведь Соединённые Штаты Америки, Англия, Франция, Италия суть столпы прославленной буржуазно-демократической системы. Где ещё вы найдёте такие красиво оформленные парламенты? Таких ораторов, умеющих изложить «нетленные принципы» свободы с блеском и со слезою? Где вы найдёте такие «традиции» парламентаризма и традиции полицейских налётов?

Вот как, значит, обстоит дело по существу (см. фото) и по форме (на этот раз мы имеем в виду парламентские формы)!

В. АР.

Всесоюзная
книжная палата
обл. экз.
1948 г.

